

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теоретической и социальной философии

Письмо как форма мысли
АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 4 курса 411 группы
направления (специальности) 47.03.01 Философия
Философский факультет
Одиноквой Марии Дмитриевны

Научный руководитель
Профессор кафедры
теоретической и социальной философии
доктор философских наук, доцент

С.М. Малкина

Заведующий кафедрой
теоретической и социальной философии
кандидат философских наук, доцент

С.А. Данилов

Саратов 2025 год

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Данная работа посвящена рассмотрению проблемы письма и мышления в контексте исторически сложившихся моделей смысла, характерных для каждой эпохи. Освещается связь различных практик чтения с репрезентативной стратегией письма. На протяжении истории человечество использовало различные способы представления текста, от глиняной таблички до цифрового гипертекста нашей эпохи. С изменением формата текста можно говорить о смене смысловой «оптики», что даёт широкий горизонт для проведения анализа современных практик чтения и письма.

В работе прослеживается переход от классической модели смысла к постмодернистской онтологии множественного. В этом контексте письмо рассматривается как феномен, утверждающий и приумножающий множественность, что выражается как в «экспериментальных» формах письма, так и в попытках перечитать традиционные произведения с позиции новой модели смысла. В работе исследуется неразрывная связь письма и чтения, разграничиваются понятия «книга», «текст» и «письмо», что послужит более ясному анализу взаимосвязи и взаимоперехода мышления и письма ввиду новых способов репрезентации текста.

Поскольку современная философская проблематика во многом обусловлена концептом «смерти субъекта», в работе рассматриваются следствия подобного поворота мысли относительно интерпретационных стратегий в литературной критике. Также, затрагивается структуралистская лингвистическая модель языка как системы и показывается её несостоятельность относительно письма. Таким образом, исследование носит междисциплинарный характер и, фактически, может стать подспорьем в дальнейшем анализе связи письма и мышления.

Цель данной работы состоит в анализе соотношения письма и мышления с точки зрения исторических форм репрезентации текста в

западной традиции и их роли в конституировании смысловой оптики эпохи.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Проанализировать западноевропейские исторические формы репрезентации текста и читательские практики, начиная с Древней Греции и заканчивая новейшим временем.

2. Исследовать соотношение модальности письма и модели смысла определённой эпохи.

3. Рассмотреть философские концепты «смерть автора», «текст-письмо», «нулевая степень письма» Р. Барта.

4. Раскрыть критику логоцентризма, проводимую Ж. Деррида.

5. Показать, что современные практики письма исходят из множественной модели смысла.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Модальность письма представляет собой определённую смысловую оптику.

2. Переход от произведения к тексту связан с деконструкцией субъекта как конституирующего смысл агента.

3. Трансформация текстового пространства отражает переход к иному пониманию процесса конституирования смысла.

Структура выпускной квалификационной работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, четырёх параграфов, заключения, а также списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Мышление письма» рассматривается значение письма для западной культуры в контексте разных исторических эпох. Исследуется перераспределение роли акустического и графического при восприятии текста. Показывается, что в Древней Греции текст заключал в себе необходимость произнесения вслух ввиду как отсутствия разделения написанной речи на слоги, так и в связи с полисной организацией жизни. Выясняется, что в сознании древнего грека читать означало подчиняться тексту, что порочило честь свободного гражданина и дело чтения преимущественно передавали рабу. Прослеживается смена практик чтения и отношения к написанному тексту на протяжении эпох. Также, в данной главе ставится вопрос о роли материальной модальности текста в конституировании смысла. Прослеживается эволюция материального облика текста от свитка к книге и делается вывод о взаимосвязи стратегий чтения с форматом самого текста. Кроме того, в главе исследуется соотношение модальности письменного текста со смысловой оптикой эпохи.

В первом параграфе первой главы «Письмо и чтение» раскрывается трансформация читательских практик в Древней Греции и отмечается роль чтения вслух в сознании древнего грека, а также исследуется отношение к письменному тексту в Античности. Делается вывод о том, что письменный текст был немислим без декламации вслух, что связано с восприятием позиции чтеца как подчинённого тексту. Отмечается постепенный переход к чтению про себя посредством усиления в социуме такого явления как частная жизнь. Далее, с опорой на понятие М. Фуко об «эпистеме» рассматривается изменение смысловых моделей на протяжении истории. Эпистема – это определённое распределение отношения слов и вещей, означающего и означаемого. Она несёт некоторое парадигмальное представление об отношении «реального» и «символического». Рассмотрев концепцию Р. Барта о «письме нулевой степени», мы пришли к выводу о том, что не только литературные жанры

несут собой подспудный идеологический смысл, но и материальный облик текста понимается как своего рода режим письма, обусловленный эпистемой эпохи.

Во втором параграфе первой главы «Репрезентация и значение» исследуется взаимосвязь между способом репрезентации письменного текста и стратегиями конституирования смысла. Прослеживается эволюция материального облика текста и доказывается, что модальность текста отражает организацию смысловой сетки эпохи. Рассматривается переход от чтения вслух к чтению про себя в Средние века, что связывается с переходом к новой концепции смысла как «внутреннего», «глубинного» и «Единого». На этом этапе появляется новая практика работы с текстом: комментарий и истолкование, основанные оппозиции «внутри» – «снаружи». С позиции концепции «дискурса» М. Фуко в этом параграфе книга рассматривается в качестве дискурса, а также исследуется понятие смерти автора, выдвинутого Р. Бартом. Показывается, что автор становится в культуре функцией, субъектом, на основе которого группируется некоторая масса текстов, и который может «объяснить» их содержание. В конце параграфа делается вывод о том, что усилия постструктуралистской философии по деконструкции образа книги связаны именно с его принадлежностью к метафизическому видению мира.

Во второй главе «Мышление как письмо» подробно рассматривается критика, которую Жак Деррида выдвигает против традиционной метафизики присутствия, а также против структурализма, рассматриваемого им как одна из её проявлений. В тексте раскрывается ключевое для философии Деррида понятие деконструкции – метода, направленного на выявление и подрыв бинарных оппозиций, лежащих в основе западной метафизики, а также на демонстрацию нестабильности и множественности смыслов в тексте. Особое внимание уделяется концепции следа, которая указывает на невозможность полного присутствия смысла в

настоящем моменте и подчеркивает динамическую природу значения как постоянно откладывающегося и смещающегося.

В главе приводятся конкретные примеры применения метода деконструкции в работах американского литературоведа Поля де Мана, чьи исследования показывают, как тексты могут содержать внутренние противоречия и разрывы, которые традиционный анализ оставляет вне поля зрения. Эти примеры иллюстрируют, каким образом деконструкция позволяет раскрыть скрытые слои смысла и поставить под сомнение устоявшиеся интерпретационные рамки. Далее в главе подчеркивается переход от монолитной, фиксированной модели смысла к множественной модели, которая признаёт и поощряет разнообразие интерпретаций. Такая модель открывает пространство для активного участия читателя, превращая его из пассивного воспринимающего в соавтора текста.

Таким образом, во второй главе формулируется идея о том, что читатель не просто получает готовое значение, а становится субъектом становления письма, участвуя в бесконечном процессе интерпретации и переписывания текста. Это радикально меняет традиционные представления о роли автора и читателя, а также о природе текста как фиксированного объекта, превращая мышление и письмо в взаимосвязанные и динамичные процессы.

В первом параграфе второй главы «Язык и письмо» сначала освещается такое методологическое явление как структурализм, в котором язык выступает как особого рода структурированная символическая система, подразумевающая закреплённость эффекта за некоторым положением в сети элементов, а язык оказывается сценой различий, где явления имеют смысл лишь в логике взаимных связей. Далее раскрывается критика Ж. Деррида метафизического (фалло-фоно-логоцентричного) способа мысли, от которого не свободен структурализм. Показывается, что он восстанавливает статус письма в качестве самостоятельного явления. Переосмысление отношения слова и вещи, означающего и означаемого,

показывает, что между ними существует разрыв, заключающийся в откладывании или промедлении смысла. Делается вывод о том, что философия второй половины XX века тяготеет к децентрации феномена, и множественности смыслов, что делает читателя активным агентом их конституирования. В параграфе рассматриваются концепты Р. Барта «текст-письмо» и «текст-чтение», которые выражают продуцирующую и репрезентирующую модель смысла соответственно. Текст-письмо представляет собой такой текст, который активизирует творческую роль читателя, для которого чтение предстаёт как письмо. Выявляется переход к иной модели смысла, основанной на множественности интерпретаций.

В третьем параграфе второй главы «Произведение и текст» подробно доказывается, что поиски новых способов утверждения множественности, обусловленные изменениями в смысловой оптике современной эпохи, приводят к возникновению новых фигур и практик письма. Эти инновационные формы письма не только отражают сложность и многогранность смыслов, но и активно трансформируют традиционное восприятие письменного текста как статичного и однозначного объекта. В частности, перформативные практики письма рассматриваются как основанные на глубоком понимании текста не просто как носителя фиксированного смысла, но как динамического действия, процесса и акта, который вовлекает в себя тело и сознание как автора, так и читателя. Такой подход подчеркивает интерактивность и телесность письменного высказывания, расширяя границы традиционного литературного анализа.

В отличие от классического понимания текста как статичного набора знаков, перформативный текст существует в процессе своего исполнения и воспринимается через взаимодействие с телесностью и временем. В литературе это может проявляться через экспериментальные формы письма, которые требуют активного участия читателя, вовлекая его в процесс сотворчества смысла. Показывается, что перформативные практики письма и искусства в целом демонстрируют переход от пассивного восприятия

текста к активному, телесно и эмоционально вовлечённому взаимодействию, что значительно расширяет возможности интерпретации и переосмысления произведений в контексте современной культуры. В рамках параграфа проводится детальный анализ конкретных примеров из различных сфер искусства (литературы, поэзии, музыки и кинематографа), которые иллюстрируют, каким образом новые практики письма способствуют расширению и переосмыслению текстуальных форм, а также влиянию на восприятие и интерпретацию произведений современного искусства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведённого исследования была раскрыта сложная и многогранная взаимосвязь между процессами мышления и формами письменной речи, а также прослежена эволюция способов репрезентации текста на протяжении истории человеческой культуры. Анализируя исторические формы письменности, мы убедились, что письмо не только служило средством фиксации и передачи информации, но и выступало как активный инструмент организации мышления, формируя новые способы восприятия и осмысления мира.

Исторически формы репрезентации текста претерпевали значительные изменения от алфавитных систем античности, до средневековых манускриптов и изобретения печатного станка — каждая из этих форм несла в себе не только функциональную нагрузку записи речи, но и влияли на способы мышления и восприятия информации. Первые формы письма, будучи преимущественно логографическими или идеографическими, были тесно связаны с конкретными образами и символами, что отражало образно-мифологическое мышление эпохи. С изобретением алфавита, который опирался на фонетическую репрезентацию речи, произошёл качественный сдвиг: письмо стало более абстрактным и универсальным инструментом, способствующим развитию аналитического и логического мышления. Алфавит позволил более точно фиксировать звуки речи, что расширило возможности для систематизации знаний и их передачи.

С изобретением печатного станка в XV веке произошла революция в распространении письменных текстов, что существенно повлияло на мышление общества. Массовое производство книг сделало информацию доступной большому числу людей, способствовало стандартизации языка. Появление печатных книг сопровождалось и изменением читательских практик — от коллективного вслух чтения к индивидуальному и

молчаливому, что, в свою очередь, усилило внутреннюю рефлексию и развитие внутренней речи.

В XX веке с появлением цифровых технологий и новых форм коммуникации письменность претерпевает очередной качественный сдвиг. Электронные тексты, гипертекст, мультимедийные форматы расширяют традиционные границы письма, создавая новые пространства для мышления и взаимодействия с информацией. В этом контексте письмо перестаёт быть лишь средством фиксации мысли — оно становится активным процессом конструирования знания в условиях сетевой культуры.

Постструктуралистские размышления о письме и мышлении позволяют выйти за рамки традиционного понимания письменной речи как пассивного отражения устной речи или фиксированного выражения мысли. Ключевые фигуры постструктурализма, такие как Жак Деррида, Мишель Фуко, Ролан Барт, предлагают рассматривать письмо как самостоятельную и продуктивную практику, которая не просто передаёт смысл, а постоянно его конструирует и деконструирует.

В контексте современного цифрового мира эти идеи приобретают особую актуальность. Цифровая письменность, гипертекстуальность и мультимедийность размывают традиционные границы текста, создавая новые формы мышления — нелинейные, сетевые, многослойные. Это требует переосмысления роли письма и книги в когнитивном развитии человека, а также разработки новых методик и подходов к обучению письменной речи и критическому мышлению.

Подводя итог, можно констатировать, что письмо и мышление находятся в диалектическом единстве, в котором каждая из сторон влияет и трансформирует другую. Исторические формы репрезентации текста отражают развитие мыслительных возможностей человека и культурных практик, а постструктуралистские размышления позволяют глубже понять природу письма как пространства множественности смыслов и активного процесса мышления.

В заключение подчеркнём, что письмо – это не просто средство передачи информации, а фундаментальный элемент человеческого мышления и культуры. Его историческая эволюция и современное развитие открывают новые горизонты для понимания того, как мы осмысляем мир, конструируем знания и взаимодействуем друг с другом. Постструктуралистский взгляд расширяет наше восприятие письма, превращая его в динамическую и многозначную практику, в которой мышление постоянно рождается заново.